

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ
PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

УДК 165
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-3-263-270>

Поступила в редакцию 20.04.2021
Received 20.04.2021

Р. Н. Дождикова

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

СОВРЕМЕННАЯ СТРУКТУРА ОБЫДЕННОГО ПОЗНАНИЯ

Аннотация. В результате проведенного исследования раскрыта структура обыденного познания, сформулированы принципы его типологии. Выявлены типы, формы, уровни и способы современного обыденного познания. Сделан вывод, что способы повседневной деятельности и обыденного познания лежат в основе механизмов социальной наследственности и воспроизводства общественной жизни.

Ключевые слова: обыденное познание, структура, картина жизненного мира, философия здравого смысла, принципы типологии

Для цитирования: Дождикова, Р. Н. Современная структура обыденного познания / Р. Н. Дождикова // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2021. – Т. 66, № 3. – С. 263–270. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-3-263-270>

Raisa N. Dozhdikova

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

MODERN STRUCTURE OF EVERYDAY COGNITION

Abstract. As the result of the present study the structure of everyday cognition has been investigated and the principles of its typology have been formulated. The types, forms, levels and means of everyday cognition have been identified. The author has come to the conclusion that the means of daily activity and everyday cognition constitute the basis of the social heredity mechanisms and the reproduction of social life.

Keywords: everyday cognition, structure, picture of the lifeworld, philosophy of common sense, principles of the typology

For citation: Dozhdikova R. N. Modern structure of everyday cognition. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2021, vol. 66, no. 3, pp. 263–270 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-3-263-270>

Введение. В современной философской литературе обыденное познание рассматривается как стихийно-эмпирический процесс когнитивного освоения мира, а обыденные знания – как конгломерат разрозненных сведений и рецептов. Поэтому структура обыденного познания не становилась предметом специального теоретико-философского анализа. Целью данного философского исследования является выявление структуры обыденного познания и его особенностей на современном этапе техногенной цивилизации. В связи с поставленной целью сформулированы следующие задачи: выявить принципы типологии обыденного познания, его формы, уровни и способы.

Методологические предпосылки исследования. Научный анализ структуры обыденного познания является способом экспликации того, что для самого субъекта обыденного познания является неосознанным, – способов и средств обыденного познания.

Методологические установки рассмотрения структуры обыденного познания мы находим в гносеологической парадигме В. С. Степина, которая включает в себя: 1) научную картину мира;

2) идеалы и нормы исследования (идеалы и нормы описания и объяснения, доказательности и обоснования, а также идеалы строения и организации знания); 3) философские основания науки, «которые обосновывают принятую картину мира, а также идеалы и нормы науки, благодаря чему вырабатываемые наукой представления о действительности и методах ее познания включаются в поток культурной трансляции» [1, с. 706–707]. Мы рассматриваем данную гносеологическую парадигму как универсальную, равно применимую к научному и обыденному познанию.

Исходя из данного методологического подхода, мы экстраполировали гносеологическую парадигму В. С. Степина на обыденное познание и структурировали его в соответствии с данной парадигмой. С нашей точки зрения, обыденное познание включает в себя: 1) картину жизненного мира; 2) идеалы и нормы обыденного познания; 3) философию здравого смысла.

Картину жизненного мира как целостный образ человеческого мира задают мировоззренческие универсалии. На ранних этапах развития общества эта картина носила антропоморфный, мифологический характер. В традиционном обществе приоритет отдается традициям, образцам и нормам, аккумулирующим опыт предков, канонизированным стилям мышления [1, с. 19]. В эпоху Возрождения закладывается культурная матрица техногенной цивилизации, которая начинает свое собственное развитие в XVII веке и проходит три стадии: преиндустриальную, индустриальную и постиндустриальную [1, с. 21]. С изменением типа цивилизационного развития, переходом от традиционного к техногенному типу развития меняются смыслы мировоззренческих универсалий, составляющие каркас картины жизненного мира. С помощью картины человеческого жизненного мира, отражающей функционирование универсалий культуры, вводится представление о человеке и мире, фиксируется шкала ценностей, принятая в традиционном или техногенном типе культуры. Изменение картины жизненного мира, смысла мировоззренческих универсалий определяется трансформациями, происходящими в культуре, повседневной жизнедеятельности человека, его формах и способах познания. В данном случае обыденное познание носит предметный характер, поскольку способствует не только формированию, но и изменению картины жизненного мира.

С нашей точки зрения, ценностный (нормативный) потенциал обыденного познания отражают его идеалы и нормы. Идеалы и нормы обыденного познания основаны на практическом личном опыте, традиции и опыте коммуникаций, они вплетены в человеческую деятельность и существуют в неявном виде, поэтому их экспликация представляет более сложную задачу, чем это имеет место с идеалами и нормами научного познания [2, с. 106–107]. Нами были сформулированы следующие принципы классификации идеалов и норм обыденного познания: 1) в зависимости от специфики и задач познавательной деятельности; 2) по степени общности; 3) в зависимости от формы общественного сознания; 4) по типу культуры.

В зависимости от специфики и задач познавательной деятельности идеалы и нормы обыденного познания можно подразделить на 1) идеалы и нормы объяснения и описания; 2) обоснования (доказательности); 3) организации (строения) обыденного знания.

По степени общности можно выделить три уровня идеалов и норм обыденного познания: 1) общие для всякого обыденного познания идеалы и нормы (общечеловеческие); 2) уровень исторически преходящих установок, характерных для данной исторической эпохи; 3) уровень индивидуальных смысложизненных ориентиров.

В зависимости от формы общественного сознания идеалы и нормы социального познания подразделяются на идеалы и нормы религиозно-мифологического, художественного (эстетического) освоения мира, а также этического, правового, политического, философского и научного познания.

В идеалах и нормах обыденного познания хранятся «смысловые осадки» идеалов и норм социального познания, а также идеалы и нормы трудовой деятельности и коммуникации в форме нравственно-мировоззренческих ориентиров, которые в свою очередь связаны с философией здравого смысла.

Философия здравого смысла – это оптимальный алгоритм решения жизненных задач, основанный на житейской мудрости и рассудительности. Философия здравого смысла позволяет человеку «самостоятельно решать вопросы и преодолевать трудности своей повседневной жизни,

исходя из собственных интересов, но при этом учитывая интересы и других» [3, с. 4], действовать продуманно, чтобы жизнь протекала нормально и бесконфликтно. Философия здравого смысла предполагает адаптацию субъекта обыденного познания к различным житейским ситуациям, позволяет ему спокойно налаживать свой быт, оптимально организовать работу, найти наилучший выход из возникающих на жизненном пути тупиков, без неё «невозможна никакая нормальная повседневная жизнь» [3, с. 4]. Модусами здравого смысла, а также философии здравого смысла являются чувство собственного достоинства, личной чести и личной ответственности субъекта «за этот поступок, за этот день, за это содержание своего поведения» [3, с. 9], умение самостоятельно рассуждать о предметах и событиях повседневной жизни. В этом смысле обыденное познание включает в себя элементы рефлексивного познания.

Таким образом, когнитивными элементами обыденного познания является предметное, нормативное и рефлексивное познание. Это соответствует не только гносеологической парадигме В. С. Степина, но и концепции креативного взаимодействия предметного, нормативного и рефлексивного знания в научном поиске В. К. Лукашевича [4, с. 10].

Принципы типологии обыденного познания. В структуре обыденного познания нами были выделены типы, формы, уровни и способы его формирования [2, с. 78–87; 5, с. 64–65]. Следуя подходу В. С. Степина к исследованию структуры и динамики научного познания, мы будем трактовать изучаемый фактологический материал как образующий своего рода «эмпирический» слой, подлежащий анализу методом соответствующей исторической реконструкции.

Необходимо учитывать при этом достаточно отчетливо наблюдаемую зависимость характерных черт обыденного познания от типа цивилизационного развития (традиционного и техногенного). Такой подход позволяет раскрыть механизмы социальной наследственности, генезиса познавательной деятельности исследуемого типа.

В зависимости от типа цивилизационного развития можно выделить два типа обыденного познания: 1) обыденное познание традиционного общества; 2) обыденное познание техногенной цивилизации.

Опираясь на эмпирический материал, т. е. сохранившиеся информационные знаки первобытной, древней и письменной культуры, а также используя метод исторической реконструкции, можно выделить следующие три формы обыденного познания традиционного общества (*по эмпирическому информационному материалу*):

1) *архаическое познание*, образно запечатленное в наскальных рисунках, ритуальных сооружениях типа Стоунхенджа и др.;

2) *архетипическое, или мифологическое, познание*, информационно запечатленное в «преданиях старины глубокой» (мифах, легендах, античной скульптуре, архитектуре и т. д.), отражающее в былинах и народных сказках архетипы национального характера, в пословицах и поговорках – коды национального менталитета и вековую мудрость;

3) *архивное познание*, информационно запечатленное в достоверных письменных «документах эпохи», например, в берестяных грамотах, летописях («Повести временных лет», Ипатьевской летописи и др.), «Словах» («Слове о полку Игореве» и др.), житийной литературе («Житии Ефросиньи Полоцкой» и др.), «архивах простых людей», избранных жизнеописаниях и мемуарах.

Сведения, содержащие в себе «народные приметы», правила жизни (заповеди), модели поведения и ментальные схемы, основы национального менталитета и характера, «эмбрионы мыслей» и «семена идей», накапливаются в былинах, притчах, песнях, сказках, пословицах, поговорках, т. е. в «семиотических системах, выступающих в функции хранителя, транслятора и генератора социально-исторического опыта» [6, с. 6]. Народная мудрость – это своего рода банк идей, рецептов, «надбиологических программ» человеческой жизнедеятельности.

Пословицы, поговорки, притчи, сказки, былины содержат в себе «знаки», «намёки» и «уроки», учат и поучают, «играючи», незаметно. Это происходит «само собой», «автоматически, в процессе социализации индивида, когда у него формируется и развивается мышление в процессе общения с культурой и включения индивида в различные сферы деятельности» [1, с. 49–50]. Но в этом «автоматизме» и простоте обыденного познания – ключ к пониманию социокультурного про-

граммирования, «доходчивости» обыденного знания, механизма «социальной наследственности», сохранения накопленного социального опыта.

В соответствии с предложенной В. С. Степиным периодизацией техногенной цивилизации можно выделить следующие *формы обыденного познания техногенного общества*:

1) обыденное познание доиндустриального общества, для которого характерно понимание человека как «творца самого себя» у Д. Пико делла Мирандолы и природы как «книги» и «мастерской»;

2) обыденное познание индустриального общества, в котором человек и государство рассматриваются механистически, как разновидности машин (Ж.О. Ламетри «Человек-машина», Т. Гоббс «Левиафан»), знание как сила (Ф. Бэкон), а природа как неограниченный сырьевой резервуар (кладовая ресурсов), т. е. потребительски;

3) обыденное познание постиндустриального общества, в котором знание (информация) становится орудием власти (М. Фуко), человек – объектом конструирования, а природа рассматривается как живой организм с позиций концепции коэволюции.

По форме общественного сознания можно выделить следующие неспециализированные формы социального познания:

- 1) моральное (нормативное) познание;
- 2) религиозное познание (как вера и откровение);
- 3) эстетическое (художественно-образное) познание;
- 4) начальное политическое познание;
- 5) начальное правовое познание;
- 6) житейско-философское познание;
- 7) преднаучное познание.

Данные неспециализированные формы социального познания являются, по сути, формами обыденного познания, которые отражают уровень социализации, воспитания, образования и самообразования познающего субъекта. Можно говорить о моральном, религиозном, эстетическом, политическом, правовом, философском и преднаучном измерении обыденного познания.

По уровню организации обыденного «человекоразмерного» познания можно выделить следующие уровни: 1) психосоматическое познание, связанное с деятельностью тела, его органов чувств и психики (психосоматический опыт); 2) рутинно-житейское познание, основанное на стереотипах деятельности и мышления, закрепленных в обычаях и традициях, отражающее социокультурный опыт (например, «Домострой» – свод житейских правил и наставлений); 3) преднаучное познание, включающее в себя здравый смысл, «сапиентальное чувство» (Р. Варгезе), догадки, пророчества, прозрения и озарения (преднаучный опыт); 4) самопознание (познание индивидуального «Я»), т. е. рефлексивный опыт [5, с. 64]. Данные уровни обыденного познания отражают динамику взаимодействия психосоматического, социокультурного, преднаучного и «рефлексивного» познания в повседневной жизни.

Самопознание – это синтез самонаблюдения и самоанализа, на его основе возникает самосознание. Сознание сознания (самосознание) – способ субъектного конструирования, позволяющий осознать свою индивидуальность, ответственность и жизненную позицию. Одновременно самопознание позволяет раскрыть возможности своей самореализации. Автобиография, исповедь, интервью, письма и дневники – способы самоописания и самопознания человека, «мастерская» его творчества.

Способы субъектного конструирования в обыденном познании. Способы субъектного конструирования в обыденном познании проходят определенные этапы, отражающие динамику обыденного познания, деятельности и самой жизни. Некоторые из них можно выразить в виде эпистемологических триад. Мы выделили три эпистемологические триады, которые демонстрируют диалектику познавательного процесса, взаимосвязь действия и знания.

Первая эпистемологическая триада: 1) рефлекс; 2) «рефлекс рефлекса» (сознание); 3) рефлексия.

Данная триада отражает начало, середину и конец любого акта обыденного познания. Рефлекс как ответная реакция организма на «каузальное воздействие», «как привычка действовать» (А. Н. Уайтхед), переходит не только к «рефлексу рефлексов», т. е. сознанию (Л. С. Выготский),

но и к рефлексии, т. е. самоотражению (самопознанию) [5, с. 65]. Рефлекс – это способ конструирования «телесного», чувственного («психосоматического») знания, затем это знание проходит через «коридор сознания» (М. Шелер), сознание обеспечивает его интеллектуальное освоение, а рефлексия – это способ освоения и интерпретации полученной «пищи для размышления», а также способ конструирования индивидуального Я.

Вторая эпистемологическая триада: 1) незнание (невежество); 2) знание; 3) «ученое незнание».

Вторая эпистемологическая триада характеризует диалектику познавательного процесса как движения от незнания к знанию и «ученому незнанию», т. е. осознанию сложности и бесконечности познавательной деятельности. Невежество предшествует процессу достижения знания как отрицания незнания, за ним следует «ученое незнание» как отрицание отрицания. «Ученое незнание» (Сократ, Н. Кузанский, И. Кант) отражает не только философскую, но и научную когнитивную позицию, не дающую покоя, требующую постоянного «движения» по пути знания и истины. Постигание жизненной истины проходит через борьбу правды (как субъективной интерпретации истины) и неправды, т. е. лжи, вольного или невольного обмана и самообмана. Можно рассматривать правду как способ субъектного конструирования истины в обыденном познании, а ложь – как способ субъектного конструирования заблуждений.

Третья эпистемологическая триада: 1) ведение (действие); 2) ведение (знание); 3) поведение.

Третья эпистемологическая триада демонстрирует деятельностный характер познания. В процессе деятельности (ведения дела) формируются знания (ведения) и на их основе – поведение как синтез действия и знания. За всяким знанием как оформленной мыслью скрываются замысел (целевое содержание) и смысл как конечная причина (*causa finalis*), а также сущность (мысль – замысел – смысл). Замысел как целеполагание ведет к вымыслу (фантазии) и искусству (промыслу) как способам субъектного конструирования и отражения реальности (замысел – вымысел – промысел).

Выявленные нами эпистемологические триады отражают процессуально-деятельностный характер не только обыденного познания, но и познания в целом.

Полет мысли, воображения и фантазии вызывает мечта, обладающая мощным творческим потенциалом. Можно сказать, что мечта – это способ самопрограммирования и субъектного конструирования возможной реальности в обыденном познании, а также жизненной цели, смысла и образа жизни.

Согласно А. Н. Уайтхеду, воображение является «той твердой породой, на которой зиждется вся структура обыденного мышления» [7, с. 7]. С помощью воображения возникают фантастические конструкты – проекты новой реальности (например, ковра-самолета), которые ведут к изобретению теоретических и практических конструктов (самолета и т. д.).

Приемы, которые наводят мосты между текучей неопределенностью чувств и четкими определениями мышления, например, между фантастическими конструктами и реальными научно-техническими изобретениями, включают «набор абстракций, обобщений, формализаций и идеализаций, соответствующих определенному уровню организации мышления» [7, с. 8], а также «мыслительные конструкты здравого смысла», ассоциации, аналогии, модели и факты. Так, процесс проектирования в обыденном познании включает в себя определенную идеализацию, обозначенную Э. Гуссерлем как «Я могу сделать это снова» [7, с. 22].

Психосоматическое познание. Первоначальное познание начинается с взаимодействия тела, которое М. Мосс назвал «первым и наиболее естественным инструментом человека» [8, с. 69], с окружающей средой. Психосоматическое познание связано с наличием у человека пяти органов чувств: зрения, слуха, вкуса, обоняния и осязания, которые С. Полоцкий называл «пятью входными воротами» первичного познания.

Органы чувств – это не только «приемники» информации, но и средства психосоматического познания и субъектного конструирования нового знания, они выполняют сложную работу: принимают и перерабатывают информацию, формируют познавательные образы, которые находят свою эмоциональную, интеллектуальную, а затем и социальную экспликацию. Этот процесс напоминает «проявление фотографий», переход от негатива к позитиву, от неявного (имплицитного) знания к явному (эксплицитному).

Обыденное познание является человекомерным. Телесная организация, чувственный опыт и психика человека, его физическое и социокультурное окружение определяют специфику, возможности, масштаб видения, глубину понимания и динамику субъектного конструирования мира, знания и индивидуального Я. В этом отражается человекотворческая сущность обыденного познания, осваивающего, транслирующего, воспроизводящего и создающего картину жизненного мира. Это соответствует концепции человекотворческой сущности культуры Е. М. Бабосова, о которой он пишет в своей книге «Наука и человекомерность окружающей реальности» [9, с. 49].

В обыденном познании происходит переход от предчувствия как предпосылочного, т. е. интуитивного способа познания к эмоционально-чувственному познанию, а затем к впечатлению как способу седиментации (осаждения) восприятия в памяти.

Впечатление – это способ конструирования представления как некоторой репрезентации действительности в памяти, содержащей в себе «отпечатки» былых восприятий. «Мотать на ус», т. е. запоминать можно с помощью различных приемов и «меток» (завязывания узелков на носовом платке, с помощью определенных знаков и записей, карандашных пометок на полях и т. д.).

Метки – это субъективные напоминания, или мнемонические средства. В памяти иногда срабатывает своеобразный «эффект кристаллизации» [6, с. 66]. Бывает так, что одна мельчайшая, но ключевая деталь вызывает процесс «кристаллизации», т. е. воспоминания. Такие «ключевые знания» могут стать способами субъектного конструирования креативного знания в обыденном и научном познании. Данный «эффект кристаллизации» можно использовать также в образовательной деятельности. Память – это способ «упаковки» и хранения наших знаний о мире, она – своего рода «архив» знаний человека.

Способы конструирования нового знания. Видом резонансного знания, вызывающим «эффект кристаллизации», и одним из способов субъектного конструирования нового знания в обыденном познании является озарение. Оно – результат своего рода «интерференции» сознательной работы мозга над проблемой и продолжения этой работы на подсознательном или даже бессознательном уровне.

Исторически рассудку и формированию здравого рассудка предшествует предрассудок. Предрассудок, предчувствие, предвидение – это виды пограничного знания и способы субъективного конструирования в обыденном познании. Но если предрассудок ведет к негативному (маргинальному) опыту суеверий, магии и т. д., то предчувствие и предвидение могут стать способами научного познания. Пограничными видами знания являются сновидение и «поток сознания».

Сновидение обладает своим символическим, «забытым языком», может быть эвристическим способом конструирования (изобретения) нового знания, способом открытия истины (Д. И. Менделеев и др.). Способом субъектного конструирования обыденной картины жизненного мира является «поток сознания», который содержит в себе ассоциации, аналогии, «семена идей», отличается живостью и динамичностью.

Способами конструирования нового знания являются также недоумение и удивление. Аристотель не зря считал удивление началом познания. Удивление – это способ конструирования вопросов, которые требуют ответов и решений.

Вопрошание – способ субъектного конструирования нового знания. Вопрос может содержать в себе «зародыш ответа», его предпосылку. Любопытство как любовь к вопросам и опыту, а также любознательность (любовь к знаниям) ведут не только к накоплению знаний и опыта, но и зарождению любознательности, первоначально в форме житейской философии.

Вообще, любовь конструктивна во всем, «чего касается», она является «катализатором» познавательной деятельности, увеличивающим ее КПД, способом конструирования сокровенного и сакрального знания.

Мотивация и функциональная динамика обыденного познания. То, что нас побуждает к познавательной деятельности (интерес, мотив, намерение, желание, чувство, потребность), может стать стимулом и даже катализатором конструирования не только новой реальности, но и нового знания, новой картины жизненного мира. Согласно А. Шюцу, различают: 1) «мотивы – для» (in-oder-to-motive), т. е. цели, которые мы намерены достичь; 2) подлинные «мотивы – потому-что» (because-motive), обусловленные средой, детским опытом и т. д. [10, с. 135]. Обыденное

познание позволяет вскрыть связь мотивации с «проектом» новой реальности, картиной жизненного мира и практической деятельностью.

Повседневные потребности (текущие нужды) имеют конструктивный характер, на их основе возникают познавательные цели, интересы, желания, мечты и стремления, которые являются способами субъектного проектирования не только направления познавательно-преобразующей деятельности, смысловых контуров жизни, но и самого субъекта обыденного познания.

Под влиянием интереса и труда склонности (наклонности) и задатки как потенциальные возможности индивида становятся реальными способами конструирования обыденного знания, развивают сноровку и смекалку, формируют знания-умения и привычку действовать со знанием дела. Сноровка и смекалка – это эффективные и креативные способы субъектного конструирования нового знания в обыденном и научном познании. Привычка как рутинный, повторяющийся способ деятельности и обыденного познания конструирует не только характер, натуру субъекта обыденного познания, его судьбу, превращая его сначала в индивидуальный обычай, а затем (с течением времени) в традицию народа. В этом смысле способы повседневной деятельности и обыденного познания лежат в основе механизмов социальной наследственности и воспроизводства общественной жизни.

В качестве индивидуального способа обыденного познания может выступать вкус. Х.-Г. Гадамер в своей книге «Истина и метод», говоря о значении вкуса как «духовной способности к различению» и «определении единичного с учетом общего», подчеркивает, что «вкус не ограничивается прекрасным в природе и искусстве, <...> но охватывает всю область нравов и приличий» [11, с. 81], ибо все нравственные решения требуют вкуса. Если что-то противоречит вкусу человека, «то его уверенность в принятии добра и отвержении зла находится на высочайшем уровне; она столь высока, сколь и уверенность самого витального из наших чувств, которое выбирает или отвергает пищу» [11, с. 83]. Таким образом, вкус содержит в себе не только когнитивный, но и нормативный компонент. Х.-Г. Гадамер говорит также о такте как способе обыденного познания, для него такт – это «способ познавания и способ бытия одновременно» [11, с. 58], поскольку под тактом понимается определенная восприимчивость, способность к восприятию ситуации и поведению внутри неё.

Заключение. В результате проведенного исследования выявлена сложная структура обыденного познания, включающая типы, формы, уровни и способы обыденного познания, эпистемологические триады, сформулированы принципы типологии обыденного познания. В структуре обыденного познания мы эксплицировали исторические типы (обыденное познание традиционного общества и обыденное познание техногенного общества), формы обыденного познания традиционного общества (архаическое, архетипическое, архивное), формы обыденного познания техногенного общества (обыденное познание доиндустриального, индустриального и постиндустриального общества), неспециализированные формы морального, религиозного, художественно-образного, политического, правового, философского, преднаучного познания, уровни (психосоматический, социокультурный, преднаучный и рефлексивный опыт), а также связанные с ними различные способы обыденного познания. Анализ структуры обыденного познания позволил нам выделить его когнитивные элементы, т. е. предметное, нормативное и рефлексивное познание.

Динамика обыденного познания отражает динамику развития общества, деятельности и самой жизни человека, его внутреннее саморазвитие. Таким образом, способы повседневной деятельности и обыденного познания лежат в основе механизмов социальной наследственности и воспроизводства общественной жизни.

Список использованных источников

1. Степин, В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция / В. С. Степин. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с.
2. Дождикова, Р. Н. Обыденное познание в контексте цивилизационного развития / Р. Н. Дождикова. – Минск : Белорус. нац. техн. ун-т, 2020. – 210 с.
3. Длугач, Т. Б. Подвиг здравого смысла, или Рождение идеи суверенной личности (Гольбах, Гельвеций, Руссо) / Т. Б. Длугач. – М. : Канон+, 2008. – 336 с.

4. Лукашевич, В. К. Креативное взаимодействие предметного, нормативного и рефлексивного знания в научном поиске / В. К. Лукашевич. – Минск : Беларус. навука, 2019. – 299 с.
5. Дождзікава, Р. Н. Структура і дынаміка штодзённага пазнання / Р. Н. Дождзікава // Вес. БДПУ. Сер. 2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2010. – № 4. – С. 63–67.
6. Степин, В. С. Эпоха перемен и сценарии будущего : избр. соц.-филос. публицистика / В. С. Степин. – М. : ИФРАН, 1996. – 174 с.
7. Шюц, А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц ; [пер. с нем. и англ.: В. Г. Николаев и др.]. – М. : РОССПЭН, 2004. – 1056 с.
8. Мосс, М. Техники тела / М. Мосс // Человек. – 1993. – № 2. – С. 64–79.
9. Бабосов, Е. М. Наука и человекомерность окружающей реальности / Е. М. Бабосов. – Минск : Беларус. навука, 2021. – 299 с.
10. Шюц, А. Структура повседневного мышления / А. Шюц // Социол. исслед. – 1988. – № 2. – С. 129–137.
11. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики : пер. с нем. / Х.-Г. Гадамер. – М. : Прогресс, 1988. – 704 с.

References

1. Stepin V. S. *Theoretical knowledge: structure, historical evolution*. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2003. 744 p. (in Russian).
2. Dozhdikova R. N. *Everyday cognition in the context of civilizational development*. Minsk, Belarusian National Technical University, 2020. 210 p. (in Russian).
3. Dlugach T. B. *The feat of common sense, or the birth of the idea of sovereign personality (Holbach, Helvetius, Rousseau)*. Moscow, Kanon + Publ., 2008. 336 p. (in Russian).
4. Lukashovich V. K. *Creative interaction of subject, normative and reflexive knowledge in scientific search*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2019. 299 p. (in Russian).
5. Dozhdikova R. N. Structure and dynamics of daily cognition. *Vesti BDPU. Seryya 2, Gistoryya. Filasofiya. Palitalogiya. Satsyyalogiya. Ekanomika. Kul'turalogiya = BSPU Billetin. Series 2, History. Philosophy. Political Science. Sociology. Economics. Culture Studies*, 2010, no. 4, pp. 63–67 (in Belarusian).
6. Stepin V. S. *The epoch of changes and scenarios of the future*. Moscow, Institute of Philosophy RAS, 1996. 174 p. (in Russian).
7. Schutz A. *Favorites: a world glowing with meaning*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 1056 p. (in Russian).
8. Moss M. Techniques of the body. *Chelovek [Man]*, 1993, no. 2, pp. 64–79 (in Russian).
9. Babosov E. M. *Science and the human dimension of the surrounding reality*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2021. 299 p. (in Russian).
10. Schutz A. The structure of everyday thinking. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 1988, no. 2, pp. 129–137 (in Russian).
11. Gadamer H.-G. *Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik*. 3 Aufl. Tübingen, J. C. Mohr, 1972. 553 p. (in German).

Информация об авторе

Дождикова Раиса Нуриевна – кандидат философских наук, доцент. Белорусский национальный технический университет (пр. Независимости, 65, 220013, Минск, Республика Беларусь). E-mail: dozhdikova@inbox.ru

Information about the author

Raisa N. Dozhdikova – Ph. D. (Philos.), Associate Professor. Belarusian National Technical University (65 Nezasvisimosti Ave., Minsk 220013, Belarus). E-mail: dozhdikova@inbox.ru